

ОГЛАВЛЕНИЕ

I.	«Пятый персонаж». Череп-гора. Мирное озеро	9
II.	Три года. Голос Конрада. Чудо	31
III.	Авария. Рассказ моей матери. Ужасная проповедь. Прощание	57
IV.	Две гитары. «Chrome Roses». Молния на «Крыше неба» . .	92
V.	Живое течение времени. «Портреты-молнии». Моя проблема с наркотиками	128
VI.	Электролечение. Ночная экскурсия. Разъяренный охлахомец. Билет на «Маунтин-экспресс»	154
VII.	Возвращение домой. Ранчо «Волчья пасть». Бог исцеляет как молния. Глухота в Детройте. Призматика	174
VIII.	Палаточное представление.	210
IX.	Чтение некрологов в постели. Снова Кэти Морс. «Засовы»	227
X.	Свадебные колокола. Как сварить лягушку. Вечер встречи. «Ты сам будешь жалеть, если не прочтешь»	263
XI.	Козья гора. Она ждет. Плохие вести из Миссури	288
XII.	Запретные книги. Мой отпуск в Мэне. Печальная история Мэри Фэй. Приближение грозы . . .	317
XIII.	Возрождение Мэри Фэй	350
XIV.	Последствия	364
	От автора	380

Эта книга посвящается тем, кому я во многом обязан своим видением мира:

Мэри Шелли
Брэму Стокеру
Говарду Филлипсу Лавкрафту
Кларку Эштону Смиту
Дональду Уондрею
Фрицу Лейберу
Августу Дерлету
Ширли Джексон
Роберту Блоху
Питеру Страубу

*И Артуру Мейчену, чья повесть «Великий бог Пан» не дает
мне покоя всю жизнь.*

*Мертвец покой и сон не обретет,
Ведь смерть конец однажды тоже ждет.*

Говард Филипс Лавкрафт

I

«ПЯТЫЙ ПЕРСОНАЖ». ЧЕРЕП-ГОРА. МИРНОЕ ОЗЕРО

Наша жизнь, по меньшей мере в одном, похожа на кино. Главные роли в нем играют родственники и друзья. Роли второго плана исполняют соседи, коллеги по работе, учителя и просто знакомые. Есть и те, кто занят в эпизодах: молодая кассирша с приятной улыбкой из соседнего супермаркета, приветливый бармен в местной забегаловке, ребята, с которыми тренируешься в тренажерном зале три раза в неделю. И тысячи статистов — тех, кто входит в нашу жизнь, но не задерживается в ней и, мелькнув лишь раз, бесследно утекает, словно вода сквозь решето. Подросток, листающий комиксы в книжном магазине «Барнс энд Ноубл», мимо которого пришлось протиснуться (пробурчав извинения), чтобы добраться до полок с журналами. Женщина за рулем машины в соседнем ряду, которая, остановившись на светофоре, пользуется моментом, чтобы подкрасить губы. Мать, вытирающая перепачканного мороженым малыша в придорожной закускойной, куда ты заглянул. Торговец, продавший тебе пакетик арахиса на бейсбольном матче.

Но иногда в нашей жизни появляется человек, который не вписывается ни в одну из этих категорий. Он возникает неожиданно-негаданно, причем нередко в самый сложный момент. В кино такого героя называют «пятым персонажем», или агентом перемен. Но кто пишет сценарий нашей жизни? Провидение или случай? Мне хочется верить, что случай. Мне хочется этого всей

душой. Я не могу смириться с мыслью, что присутствие в моей жизни Чарлза Джейкобса — моего «пятого персонажа», причины всех перемен и несчастий — каким-то образом связано с судьбой. Это означало бы, что всем произошедшим страшным событиям — этим *ужасам* — было суждено случиться. А если так, то никакого света не существует, и наша вера в него лишь наивный самообман. И тогда все мы живем в темноте, точно забившиеся в нору животные или муравьи, укрывшиеся в глубине муравейника.

Причем живем не одни.

На свой шестой день рождения я получил в подарок от Клэр целую армию игрушечных солдатиков и 6 октября 1962 года готовился к крупной битве.

Я вырос в многодетной семье. У меня было три брата и одна сестра, и я, как младший в семье, всегда получал много подарков. Самые лучшие дарил Клэр. Не знаю, связано ли это с тем, что она была старшей, или с тем, что была единственной девочкой. А может, с тем и другим одновременно. Но из всех замечательных подарков, что я получал от нее на протяжении многих лет, та армия была, безусловно, самым потрясающим. В нее входило двести зеленых пластмассовых солдатиков: одни с винтовками, другие с пулеметами, а с десяток были намертво приклеены к похожим на трубки штукам — минометам, по словам Клэр. Кроме того, в наборе имелось восемь грузовиков и двенадцать джипов. Но особенно круто смотрелся картонный бокс, куда все это было сложено, весь в камуфляжных зелено-коричневых разводах, с надписью «Собственность армии США» на крышке. «Командир Джейми Мортон» — значилось чуть ниже: эту надпись Клэр добавила сама.

Джейми Мортон звали меня.

— Я увидела рекламу на обложке одного из комиксов Терри, — сказала сестра, дождавшись, когда я закончу верещать от восторга. — Он не давал мне ее вырезать, потому что он бука...

— Точно, — подтвердил Терри. Ему было восемь. — Я злой старший брат!

Он сложил большие пальцы вилкой и сунул себе в ноздри.

— Перестаньте! — вмешалась мама. — Никаких перебранок в день рождения, пожалуйста. Спасибо. Терри, вынь пальцы из носа.

— Но все равно, — продолжила Клэр, — я скопировала купон и отослала по почте. Боялась, что не успеют вовремя доставить, но все сложилось. Я рада, что тебе нравится. — Она поцеловала меня в висок. Она всегда целовала меня в висок. Даже по прошествии долгих лет я отлично помню эти нежные поцелуи.

— Я их обожаю! — заверил я, прижимая ящик к груди. — И буду обожать вечно!

Это было после завтрака, состоявшего из блинов с черникой и бекона — моего любимого блюда. На дни рождения мы всегда получали свои любимые блюда, а подарки вручались после завтрака на кухне, где стояли дровяная печь, длинный стол и громоздкая стиральная машина, которая постоянно ломалась.

— «Вечно» для Джейми — это примерно пять дней, — заметил Кон.

В свои десять лет он был худым (хотя впоследствии поправился) и уже тогда проявлял склонность к науке.

— Тонко подмечено, Конрад, — вступил в разговор отец. Он был одет в чистый рабочий комбинезон с надписью «РИЧАРД», вышитой золотом на левом нагрудном кармане, и «МОРТОН ФЬЮ-ЭЛ ОЙЛ» — на правом. — Я впечатлен.

— Спасибо, пап.

— Благодаря своему красноречию ты заслужил право помочь матери вымыть посуду после завтрака.

— Но сейчас очередь Энди!

— *Была* очередь Энди, — поправил отец, поливая сиропом последний блин. — Бери полотенце, юморист, и постарайся ничего не разбить.

— Ты бессовестно его балуешь, — отозвался Кон, но полотенце все-таки взял.

Вообще-то Конни был отчасти прав относительно моего представления о вечности. Через пять дней настольная игра «Операция», подарок Энди, собирала пыль под кроватью (в ней все равно не хватало некоторых частей тела, и Энди приобрел ее за четвертак на распродаже подержанных вещей). Такая же

участь постигла и подаренные Терри пазлы. Сам Кон вручил мне стереоскоп, который протянул чуть дольше, но в конце концов тоже оказался в шкафу, где и остался лежать.

От родителей я получил одежду, потому что день рождения у меня в конце августа и в тот год я должен был идти в первый класс. Новые брюки и рубашки представляли для меня такой же интерес, как телевизионная тест-таблица, но я постарался горячо поблагодарить мать и отца. Думаю, в искренность моей благодарности они не поверили — в шесть лет не так-то легко притворяться... хотя, к сожалению, подобный навык большинство из нас приобретает довольно быстро. Как бы то ни было, одежда была выстирана в нашей громоздкой машине, высушена на бельевой веревке во дворе и, наконец, сложена в ящики моего комода. Вряд ли имеет смысл добавлять, что об этих вещах никто не вспоминал до самого сентября, когда пришло время их надеть. Помню, что там был клевый свитер — коричневый в желтую полоску. Когда я его носил, то воображал себя суперменом по имени Человек-Оса: берегитесь, злодеи, моего жала!

Но относительно бокса с солдатами Кон ошибся. Я играл в них дни напролет, как правило, на краю двора, где пролежала полоска земли между нашей лужайкой и Методист-роуд, которая в те дни была грунтовой и мало чем отличалась от этой полоски. За исключением шоссе номер 9 и узкой двухполосной дороги, ведущей к Козьей горе, где располагался курорт для богатых, все остальные дороги в Харлоу были грунтовыми. Помню, что пыль, скапливавшаяся в доме в сухие летние дни, не раз доводила мать до слез.

В солдатиков со мной часто играли два моих лучших друга, Билли Пэккетт и Эл Ноулз, но в день, когда в моей жизни появился Чарлз Джейкобс, я был один. Я не помню, почему отсутствовали Билли и Эл, но помню, что радовался, оказавшись в кои-то веки в одиночестве. С одной стороны, отпадала необходимость делить войско на три части. С другой стороны — что гораздо важнее, — не нужно было спорить, чья очередь побеждать. По правде говоря, мне вообще казалось несправедливым, что я

должен кому-то проигрывать, ведь это были *мои* солдатики и *мой* бокс.

Когда в один из жарких дней уходящего лета, вскоре после дня рождения, я поделился этой мыслью с матерью, она взяла меня за плечи и заглянула в глаза — верный признак того, что мне предстояло получить очередной Урок Жизни.

— «Мой» и «мое» — причина очень многих бед в этом мире, Джейми. Когда ты играешь с друзьями, солдатики принадлежат вам всем.

— Даже если мы сражаемся на разных сторонах?

— Даже в этом случае. Когда Билли и Эл отправляются домой ужинать, а ты убираешь солдатиков в коробку...

— Это бокс!

— Хорошо, бокс. Когда ты их убираешь, они снова становятся твоими. Люди часто причиняют друг другу зло, и ты столкнешься с этим, когда подрастешь, но я считаю, что все дурные поступки вызваны самым обычным эгоизмом. Обещай мне, что никогда не станешь эгоистом, малыш.

Я пообещал, но мне все равно не нравилось, когда победу одерживали Билли и Эл.

В тот октябрьский день 1962 года, когда судьба мира висела на волоске из-за небольшого, подобного кляксе на карте, тропического островка под названием Куба, я сражался за обе стороны и не мог проиграть ни при каком раскладе. Незадолго до этого по Методист-роуд прошелся городской грейдер (отец всегда ворчал, что он только разбрасывает камни), и вокруг было полно земли. Я наскреб достаточно, чтобы сделать сначала маленький холмик, потом холмик побольше, а затем и *очень* большой холм, доходивший мне почти до колен. Сперва я хотел назвать его Козьей горой, но потом передумал, посчитав название неоригинальным (в конце концов, настоящая Козья гора находилась всего в двенадцати милях) и неинтересным. Поразмыслив, я решил назвать его Череп-горой. Я даже попытался сделать пару пещер-глазниц, ткнув пальцем в соответствующие места, но земля была сухой и тут же осыпалась.

— Что ж, ладно, — сказал я, обращаясь к лежавшим в боксе солдатикам. — Мир устроен непросто, и нельзя иметь все. — Это было одним из любимых выражений отца, и не сомневаюсь, что при наличии пятерых детей у него имелись все основания так считать. — Пещеры у нас будут понарошку.

Половину солдатиков я расположил на вершине Череп-горы, и они являли собой внушительное зрелище. Особенно мне нравилось, как там смотрелись минометчики. Это были фрицы. Американские солдаты разместились у подножия. Им достались все джипы и грузовики, поскольку езда вверх по склону представляла захватывающую. Я не сомневался, что одни машины опрокинутся, но другим наверняка удастся добраться до вершины. И раздавить минометчиков, которые будут напрасно молить о пощаде. Им ее не видать.

— Пленных не брать, — сказал я, пристраивая последних героев-американцев. — Гицмер, тебе конец!

Я начал двигать шеренги солдат вперед, сопровождая маневр звуками пулеметных очередей, когда на поле битвы упала тень. Я поднял глаза и увидел мужчину. Он загораживал солнце, и его силуэт обрамляли золотые лучи — прямо человеческое затмение.

В тот момент, как и обычно по субботам во второй половине дня, в нашем доме кипела жизнь. Энди с Коном и компанией друзей играли позади дома в дворовый бейсбол, с громкими криками и смехом. Клэр у себя в комнате с парой *своих* подруг крутила на проигрывателе пластинки: «The Loco-Motion», «Soldier Boy», «Palisades Park». Из гаража доносился стук — это Терри с отцом трудились над старым «фордом» 1951 года выпуска, который отец называл «Дорожной ракетой». Однажды я слышал, как он обозвал его «куском дерьма»; это выражение мне понравилось, и я до сих пор его использую. Если хотите поднять себе настроение, назовите что-нибудь «куском дерьма». Как правило, это срабатывает.

В общем, вокруг происходило много чего, но в тот момент мне показалось, будто все замерло. Я знаю, что это лишь игра воображения, которая объясняется сбоем в памяти (не говоря уже о сонме темных ассоциаций), но это воспоминание очень

яркое. Неожиданно стихли крики ребят на заднем дворе, песни в комнате наверху, стук в гараже. Даже птицы вдруг замолчали.

Затем мужчина наклонился, и заходящее солнце, выглянув из-за его плеча, ослепило меня. Я прикрыл глаза рукой.

— Извини, извини, — произнес он и чуть подвинулся, чтобы солнце не мешало мне его рассмотреть. На нем были черный пиджак священника и черная рубашка с английским воротником, джинсы и стоптанные легкие кожаные туфли. Как будто он хотел быть одновременно двумя разными людьми. В шестилетнем возрасте я делил взрослых на три категории: молодые взрослые, взрослые и старики. Этот человек относился к молодым взрослым. Он наклонился, чтобы разглядеть сражающиеся армии.

— Вы кто? — спросил я.

— Чарлз Джейкобс.

Имя показалось мне знакомым. Он протянул руку, и я тут же пожал ее, потому что уже в шесть лет был вежливым. Мы все были вежливыми — родители об этом позаботились.

— А почему у вас воротник с дыркой?

— Потому что я священник. Теперь, приходя по воскресеньям в церковь, ты будешь встречать меня там. И вечером по четвергам, если станешь посещать собрания БММ.

— Раньше нашим священником был мистер Латур, — сказал я, — но он умер.

— Я знаю. Мне очень жаль.

— Ничего страшного. Мама сказала, что ему не было больно и он отправился сразу на небо. Правда, он не носил такой воротник.

— Потому что Билл Латур был проповедником без духовного сана. Вроде волонтера. Благодаря ему двери церкви оставались открытыми, когда других служителей не было. Очень похвальное поведение.

— Мне кажется, папа знает о вас, — сказал я. — Он один из дьяконов. И собирает пожертвования. Правда, делает это по очереди с другими дьяконами.

— Делиться — это очень хорошо, — сказал Джейкобс и опустился на колени рядом со мной.

— Вы собираетесь молиться? — Эта мысль меня встревожила. Для молитв имелаась церковь и собрания БММ — Братства методистской молодежи, — которые мои братья и сестра называли четверговой вечерней школой. Когда мистер Джейкобс возобновит эти собрания, я пойду на них в первый раз, как и в школу. — Если хотите поговорить с папой, то он в гараже с Терри. Они ставят новое сцепление на «Дорожную ракету». Вернее, это делает папа, а Терри подает ему инструменты и учится. Ему восемь лет. А мне — шесть. А мама, наверное, на заднем крыльце, смотрит, как ребята играют в дворовый бейсбол.

— Когда я был маленьким, мы называли эту игру «бита-перевертыш», — сказал Джейкобс и улыбнулся. У него была хорошая улыбка, и он мне сразу понравился.

— Правда?

— Ну да. Потому что, поймав мяч, надо было ударить им по бите. Как тебя зовут, малыш?

— Джейми Мортон. Мне шесть лет.

— Ты уже говорил.

— На нашем дворе еще никто не молился.

— Я тоже не собираюсь этого делать. Я хочу посмотреть поближе твой войска. Где тут русские, а где американцы?

— Ну, внизу, само собой, американцы, а на Череп-горе — фрицы. Американцам надо захватить гору.

— Потому что она не дает им продолжить наступление, — понимающе кивнул Джейкобс. — А за Череп-горой лежит дорога в Германию.

— Точно! И там самый главный фриц! Гицмер!

— Источник стольких бед, — сказал он.

— Что?

— Не важно. Ты не против, если я буду называть плохих парней немцами? «Фрицы» звучит как-то не очень.

— Нет, это здорово. Фрицы — это немцы, а немцы — это фрицы. Мой папа был на войне. Правда, только в последний год. Он чинил грузовики в Техасе. А вы были на войне, мистер Джейкобс?

— Нет, я тогда был слишком маленьким. И для Кореи тоже. А как американцы собираются взять гору, генерал Мортон?